

Анаит Тригорян

Прозаик, переводчик с японского языка. Родилась в 1983 году в Ленинграде, окончила биолого-почвенный и филологический факультеты СПбГУ. Кандидат биологических наук. В 2011 году издательством «Геликон Плюс» был выпущен дебютный сборник коротких историй «Механическая кошка», в 2012 году издательством «Айлурос» (Нью-Йорк) – роман «Из глины и песка», в 2019 году в издательстве «Эксмо» был опубликован роман «Посёлок на реке Оредеж», в 2021 году в издательстве Inspiria – роман «Осьминог». Литературно-критические и художественные тексты публиковались в журналах: «Знамя», «Новый мир», «Урал», «Волга», «Вопросы литературы». Живёт и работает в Санкт-Петербурге.

Дух маршала Тухачевского

(рассказ)

Духов нужно было вызывать с помощью блюдечка с голубой каёмочкой, которое Комарова берегла как свою главную драгоценность. Блюдечко досталось ей от бабки Марьи и было ещё дореволюционным, из тонкого костяного фарфора. Когда-то к нему прилагалась и маленькая кофейная чашечка, но она разбилась ещё до рождения Комаровой. Бабка рассказывала, что кофейную пару подарил ей заезжий красный комиссар. Ещё он подарил ей шаль и серёжки, клялся в любви, но так и не увёз её с собой в город. Всякий раз, доставая блюдечко из глубины шкафа, Комарова, бережно поворачивая его в руках, представляла себе комиссара — где-то он теперь скачет на своём коне с саблей наголо и маузером? Вспоминает ли бабушку Марью, которая тогда, в тридцатые годы, была никакой не бабушкой, а Марией Фёдоровной, тонкой и звонкой, и все на неё засматривались, а умирая в октябре девяносто первого, вся съёжилась, и высохла, и стала лёгкой, как былинка. Молодой сельский священник, придя её соборовать и причастить Святых Тайн, сказал, что бабка их не помирает, а уходит в жизнь вечную. Каёмка по краю блюдечка была чистого небесно-голубого цвета. Ленке она его не давала — косорукая Ленка обязательно уронит, и разлетится память о бабушке Марье и её несбывшемся счастье мелкими осколками по всему полу.

— Ну Кать, — заныла Ленка, — Катька... ну дай поддержать.

— Отстань, — мотнула головой Комарова. — Разобьёшь ещё, с тебя станется.

Блюдечко нужно было долго греть, аккуратно поворачивая над колышущимся пламенем свечи. Комарова

не раз обжигала пальцы о тонкий край, но, несмотря на вскакивавшие потом волдыри, ни разу не выпустила блюдечка из рук. Фарфор быстро остывал, и, чтобы вызванный дух мог внятно ответить хоть на один заданный ему вопрос, блюдечко приходилось нагревать снова, быстро переворачивать, класть на магический лист с написанным по кругу алфавитом — алфавит писала Ленка, так что буквы были кривые и «м» было невозможно отличить от «ш», а твёрдого знака вообще не было, — повторять заданный вопрос и легонько постукивать по донышку двумя сомкнутыми пальцами, чтобы дух вновь зашевелился под блюдечком, повернул его и указал на нужную букву. Внутри алфавита, тоже по кругу, были изображены примерно на равных расстояниях друг от друга цифры от нуля до девяти и два слова — «да» и «нет». На краю блюдечка была крошечная, едва различимая щербинка, которую они условились считать стрелкой.

Обычно Комаровы вызывали писателей из школьной программы, чаще всего дух Александра Сергеевича Пушкина — он был добрым и словоохотливым, хотя как-то раз, устав от настойчивых Ленкиных расспросов насчёт того, сколько раз она выйдет замуж и который из них будет удачным, послал её на три буквы, звякнул блюдечком и был таков. Ленка потом дулась и канючила, что это Комарова всё специально подстроила, постучав по донышку так, чтобы щербинка указала на нужные буквы, — настоящие духи нередко промахивались, так что о сказанном приходилось только догадываться, а тут всё сложилось как в прописи: «Иди на...»

За окном уже стемнело, прохладный августовский воздух пах влажной землёй и приближающейся осенью. Лес на окраине Посёлка тихо шумел, иногда в нём раздавался треск веток, словно какое-нибудь большое животное ломилось через чащу, или коротко вскрикивала

потревоженная птица. Гадая, Комаровы всегда оставляли окно в комнату открытым, чтобы вызванный дух имел возможность войти и выйти, когда ему захочется.

Придерживая блюдечко за край, Комарова ещё раз повернула его над свечой. Взятая в сельпо дешёвая свеча коптила, оставляя на фарфоре тёмные полосы. В буржуйке тоже потрескивало, и оранжевые отсветы плясали на вытертых половицах.

— Кого будем вызывать? — спросила Комарова. — Опять Пушкина?

Ленка, насупившись, молчала. Думала.

— Ну? — поторопила Комарова.

Блюдечко в её пальцах уже становилось горячим.

— Дух маршала Тухачевского! — неожиданно выпалила Ленка.

— Это ещё зачем?

— Ну Кать, ну пожалуйста... — В голосе Ленки послышались умоляющие нотки.

Вот же дура, не стоило и спрашивать. Вздохнув, Комарова перевернула блюдечко и положила его доньшком вверх в центр магического круга.

— Как звали-то его по имени-отчеству, твоего маршала?

— Михал Николаич, — с готовностью отозвалась Ленка. Глаза у неё нетерпеливо блестели.

— Руки-то согрела?

— Ага.

— Ну, давай тогда на счёт раз...

Вместе они одновременно коснулись кончиками пальцев доньшка блюдечка и легонько по нему постучали. В окно подул ветер, и занавеска из старого кружева приподнялась мягкой волной.

— Дух маршала Михаила Николаевича Тухачевского, — прошептала Комарова, наклонясь вперёд, — мы, Екатерина и Елена Комаровы, вызываем тебя. Приди к нам.

— Приди к нам, — шёпотом повторила Ленка.

Блюдечко вздрогнуло и замерло неподвижно.

— Ну и чё? — Ленка поёрзала на стуле.

Они сидели за маленьким столом, накрытом клеёнкой в синих васильках, — если мать войдёт и увидит, чем они тут занимаются, то выдерет обеих за то, что могли прожечь скатерть.

— Ничё, — буркнула в ответ Комарова. — Остыло вроде. Нужно снова греть.

Блюдечко пришлось нагревать, переворачивать и постукивать по его доньшку ещё несколько раз, прежде чем оно мелко задрожало и начало как бы нехотя вращаться на плотной сероватой бумаге. Под дверью уже некоторое время скреблась полосатая кошка Дина, требуя впустить её в тепло комнаты. Щербинка на крае блюдечка указывала на «да», замерев напротив размашистого хвоста буквы «а».

— Пришёл, — испуганно прошептала Ленка. — Пришёл, да?

— Да вроде...

Ленка уставилась на блюдечко, под которым был пойман вызванный дух, и ничего не говорила. Губы у неё были припухшие и потрескавшиеся оттого, что она часто их прикусывала.

— Ну? — не выдержала Комарова.

— Чего ты нукаешь?

— Спроси его о чём-нибудь.

Фарфор под Катиными пальцами снова начал остывать, она подняла блюдечко и, не переворачивая, стала греть его для следующего вопроса. Под дверью мяукнула Дина. Комарова положила блюдечко на место, и они постучали по нему пальцами — на этот раз оно начало вращаться практически сразу же. Ленка молчала, не отрывая глаз от щербинки на его крае. Комарова вспомнила,

что духа нужно обязательно сначала спросить, хочет ли он отвечать на вопросы, — у Пушкина как у старого знакомого они уже давно об этом не спрашивали.

— Михаил Николаевич, — шёпотом произнесла Комарова, стараясь, чтобы её голос звучал как можно вежливее, — вы хотите с нами разговаривать?

Блюдечко повернулось, чуть приподнялось и тихонько стукнуло по бумаге. Щербинка чётко указывала на слово «нет».

— Ну во-о-от, — разочарованно протянула Ленка, — а может, всё-таки...

— Он же сказал, что не хочет.

— А попросить если...

Комарова поджала губы и отрицательно покачала головой. Младшая сестра, поняв, что ничего не добьётся, решила дальше не спорить.

Из окна в комнату шёл свежий воздух. Нужно было поскорее отпустить духа и закрыть створку, чтобы печка не топилась зря, они и так долго провозились, чтобы вызвать Ленкиного маршала, а он явился только для того, чтобы отказаться с ними разговаривать. Комарова накрыла блюдечко ладонью и прижала его к листу. Вот бы оставить его там на всю ночь — будет знать, как обижать девочек. Затем, испугавшись, что блюдечко может расколоться, она убрала руку.

— Кошку впусти. Просится.

Ленка посмотрела на сестру исподлобья, но, ничего не сказав, спустила со стула ноги в шерстяных носках и протопала к двери. Комарова перевернула блюдечко, отпуская духа на волю.

Ленка уснула быстро, накрывшись с головой тяжёлым стёганым одеялом. Комарова включила маленькую насцразбудить сестру, и, вытащив из сложенной возле кровати стопки книг учебник истории за восьмой класс,

принялась перелистывать страницы. Учебник нужно было вернуть по осени — продолжать учиться Комарова не собиралась, это она уже твёрдо для себя решила. Семь классов с грехом пополам окончила — и ладно. Ленка в школу уже полгода как не ходила, только болталась без дела и в хозяйстве особо не помогала, но любила рассматривать картинки в учебниках и выискивать красивых мужчин, а женщинам пририсовывала усы и папиросы «Беломор» с выходящими из них густыми клубами дыма, иногда заполняя ими все белое пространство страницы.

Листать пришлось долго, всматриваясь в подписи к черно-белым фотографиям. За кружевной занавеской виднелся бледный диск луны с немного срезанным краешком — завтра должно было наступить полнолуние. Наконец на странице показалось несколько фотографий с общей подписью: «Первые маршалы Советского Союза»: Семён Михайлович Будённый, Климент Ефремович Ворошилов (Комарова хихикнула над именем Климент)... Ага, вот и он, Михаил Николаевич Тухачевский. Дура Ленка ему поверх звёзд на воротнике пальто сердечки намалевала. Если библиотекарьша эти сердечки заметит, Комаровой за них влетит, как влетало за нарисованные Ленкой усы и папиросы-беломорины. Разбудить бы заразу и оттащить как следует за белёсые волосья, но хотелось спать, да и Ленка поднимет крик, на крик прибежит мать, и тогда уж точно им обеим мало не покажется. Комарова рассмотрела лицо маршала: строгий дядька, а глаза вроде грустные. На их участкового похож. Она закрыла учебник, положила его обратно в стопку и забралась под одеяло. Кошка Дина уже устроилась на кровати и, приподняв голову, чуть приоткрыла глаз, в котором отразился свет догоравших в печке поленьев.

Проснулась Комарова оттого, что кто-то тяжело присел на край её кровати и под ним жалобно заскрипели

пружины старенького матраца. В комнате было уже совершенно темно — печка давно погасла, а луна закатилась за кромку леса, — и Комаровой пришлось долго всматриваться в кромешную темноту, в которой ещё пахло горячим свечным воском, пока она не различила огромную фигуру мужчины в тёплом шерстяном пальто, сидевшего к ней спиной. Дина почему-то не просыпалась и продолжала лежать у неё в ногах неподвижно, свернувшись калачиком, и её пушистый полосатый бок мерно поднимался и опускался в такт дыханию.

— Ой, — прошептала Комарова, — а вы кто?

Мужчина ответил не сразу, как будто раздумывал, стоит ли с ней вообще разговаривать, потом медленно повернулся.

— Маршал Тухачевский! — охнула Комарова.

Отчего-то в комнате после этих её слов стало светло, как днём, и теперь она видела бледное строгое лицо мужчины с крупным носом и тёмными внимательными глазами. На рукаве и на воротнике его пальто поблёскивали золотом пятиконечные звёзды. Комарова бросила взгляд в сторону Ленкиной кровати, но Ленка тихо посапывала под одеялом.

— Я тебе снюсь, — сказал Тухачевский.

Комарова медленно села, подтянув одеяло к самому подбородку.

— Так вы же вроде...

— Расстрелян двенадцатого июня тысяча девятьсот тридцать седьмого года.

Она подобрала ноги и подтянула одеяло ещё выше — так, что наружу остался торчать один только нос. Было неловко, что он мог увидеть её шерстяные носки, связанные бабкой из остатков разных ниток, и слишком большую ночнушку с прорехой на правом плече. Маршал

сидел неподвижно, сложив руки на коленях, и как бы ждал её следующего вопроса.

— А за что? — тихо спросила Комарова.

— За любовь, конечно. Полюбил одну красивую актрису.

Где-то в доме тикали часы. Комаровой вдруг представился весь их Посёлок, протянувшийся вдоль реки Оредеж, деревянные дома, сараи и огороды, дом священника и церковь на высоком берегу, старое поселковое кладбище с покосившимися крестами и могилами красноармейцев, на которых стояли только небольшие белые столбики с красными звёздами, спящие улочки и закоулки, канавы, полные воды и затянутые ряской, колонки на обочинах с повисшими на них ледяными каплями, дрожащая на деревьях листва — всё казалось прозрачным, как будто парящим над землёй и пронизанным тусклыми серебристыми нитями лунного света. Бабка Марья говорила, что семьдесят лет все сообща строили светлое будущее, отрицали Бога — всё сами, своими силами, — а теперь она молит Бога о том, чтобы уснуть вечным сном прежде, чем светлое будущее само обратится в сон. Где-то теперь во сне скачет на коне и её красный комиссар...

— Что, Катя, загрустила?

— А вы... — Комарова помедлила, раздумывая, как лучше спросить. — А вы на ней обещали жениться?

— Обещал.

— И не женились?

— Нет, не женился.

Комарова молчала. Ей было обидно, что он так прямо сказал, что обманывал красивую актрису, но всё-таки было жаль маршала, что его, такого молодого, темноглазого и с золотыми звёздами на воротнике, расстреляли.

— Я за многими женщинами ухаживал и обещал на них жениться, — добавил маршал Тухачевский.

— И бабушке нашей тоже обещали? — вдруг с вызовом спросила Комарова.

Он на мгновение замешкался, удивлённый её вопросом, потом переспросил:

— А она красивая была, твоя бабушка?

— Очень, — кивнула Комарова, — у нас в альбоме есть её фотография. У неё много поклонников было, и красный комиссар дарил ей всякие подарки и блюдецко с голубой каёмочкой подарил, обещал с собой увезти, а потом она вышла замуж за местного мужика, потому что в доме прохудилась крыша, а починить было некому. Он бил её. Но это позже было, а до того она всё своего комиссара ждала. Ждала, ждала, да так и не дождалась. Обманул он её, получается.

На глаза Комаровой внезапно навернулись слезы, и она, уткнувшись лицом в пододеяльник, беззвучно заплакала. Она, конечно, бабушку такой не помнила, и трудно было представить, чтобы та белокурая улыбающаяся девушка с фотографии, на которую, как говорила мать, Комарова была очень похожа, превратилась в седую, почти беззубую старуху, до самой своей смерти курившую «Беломор», вечно кутавшуюся в большой серый платок и по вечерам рассказывавшую им с Ленкой о прежней жизни — трудной, но озарённой светом какой-то недосягаемой и прекрасной мечты. Бог, на которого бабушка Марья, верившая в заветы вождей коммунизма, никогда не уповала, сжалился над ней и прибрал её прежде, чем эта великая мечта разбилась, как разбилась неизвестно когда кофейная чашечка, шедшая к блюдцу. Щёки у Комаровой стали горячими от слёз, и она изо всех сил стиснула зубы, чтобы не разреветься во весь голос.

— Не надо плакать.

Большая ладонь легла ей на голову и пригладила волосы.

— Ты маленькая ещё, у тебя вся жизнь впереди.
Комарова всхлипнула.

— У меня тоже было две девочки, совсем как ты и твоя сестра. Ну-ну, успокойся.

Маршал Тухачевский хоть и был призраком, рука у него была тяжёлая, тёплая, и пахло от неё вроде как табак. Курит, наверное. Комарова хотела спросить, стали ли его дочери счастливыми, но испугалась, что их тоже могли расстрелять, и вместо этого сидела молча, чуть пригнув голову, — она не привыкла, чтобы взрослые её утешали.

К рассвету тепло буржуйки из комнаты совсем выветрилось и стало зябко. Мужчина, сидевший на краю кровати, поднялся, и пружины матраца вновь заскрипели, распрямляясь. Комарова уже давно уснула, но услышав скрип пружин, приоткрыла глаза и увидела в предрассветных сумерках стоявшую у окна совсем уже зыбкую фигуру, сквозь военное пальто которой просвечивала кружевная занавеска. Только золотые пятиконечные звёзды на воротнике были ещё видны отчётливо и немного светились.

— Вы... извините, что Ленка вам сердечки пририсовала, — пробормотала Комарова. — Она это не со зла. Глупая просто.

Маршал Тухачевский ничего не ответил, только кивнул, прежде чем окончательно раствориться в воздухе. Комарова лежала ещё немного, прислушиваясь к царившей в доме тишине и глядя на светлеющее за окном небо, потом медленно отвернулась к стене и вновь провалилась в крепкий сон без сновидений.